

**«ИСЛАМСКАЯ ПОЛИТИКА» СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА И ГОЛОД НАЧАЛА 1920-х гг. В ПОВОЛЖЬЕ:
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН ПО БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ**

© 2013 Ю.Н. Гусева

Самарский филиал Московского городского педагогического университета

Поступила в редакцию 17.10.2012

В статье анализируются обстоятельства, результаты и оценка деятельности Комиссии по борьбе с голодом Центрального Духовного Управления мусульман в 1922-1923 гг. с точки зрения различных партийно-советских организаций. На основании известных, а также ранее засекреченных архивных источников делается вывод о влиянии работы Комиссии на партийно-государственную политику в отношении исламской религии в Советской России.

Ключевые слова: ислам, Поволжье, голод 1920-х годов, Центральное Духовное Управление мусульман.

История российских государственно-исламских отношений в XX веке полна неоднозначными, в том числе довольно драматическими, сюжетами. К одному из таких сюжетов относится деятельность мусульманского духовенства в период поволжского голода начала 1920-х гг. В статье предпринимается попытка рассмотреть последствия деятельности Комиссии Центрального Духовного Управления мусульман (ЦДУМ), главного религиозного центра тюрок Волго-Уральского региона, по борьбе с голодом в Поволжье через призму внутривластных обстоятельств.

Заклучения, к которым приходит автор, значимы для уяснения логики взаимоотношений мусульман и российского государства в предшествующий и последующий исторические периоды, так как в отношении властей к работе данной Комиссии как в капле воды отразились мотивация и ход мыслей работников ключевых органов государственного управления. Материал, представленный в работе, также может быть показателем с точки зрения изучения как социальной активности всего советского общества, так и его отдельных элементов.

В задачу статьи не входит подробный анализ трагической ситуации, типичной для многонациональных губерний Волго-Уральского региона в годы голода. О его масштабах, грозивших вымиранием целым местностям и губерниям, писали многие современники, в том числе и наблюдатели из европейских стран и США, занимавшиеся вопросом оказания продовольственной помощи¹. На критическое положение в местах проживания тюрок-мусульман указывал и первый муфтий ЦДУМ Г. Баруди в своем обращении 25 августа 1921 г. К Сталину, Ленину, Цурюпе и Калинину².

Гусева Юлия Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и зарубежного регионоведения. E-mail: j.guseva@mail.ru

Татаро-башкирские селения разделили мрачную участь многих русских, чувашских, мордовских и иных деревень³. Например, в Бугурусланском уезде Самарской губернии (где было сконцентрировано основное «ядро» мусульманских поселений) в первом полугодии 1922 г. голодали 675341 человек, из них 304319 – дети до 15 лет. Умерших на почве голода, по самым скромным подсчетам, насчитывалось 16962 человека⁴. Всего, по неуточненным данным, к апрелю 1922 г. в Самарской губернии от голода уже умерло 200000 человек⁵.

Различные религиозные организации заявили о своем желании оказывать помощь голодающим. Для того чтобы деятельность данных организаций не выходила за рамки советского законодательства, Комиссией Помощи голодающим (Помгол) при ВЦИК было разработано типовое положение о комиссиях религиозных обществ по помощи голодающим⁶.

В соответствии с этими нормами в конце 1921-начале 1922 г. было разработано и утверждено «Положение о деятельности Центрального Духовного Управления мусульман внутренней России и Сибири по оказанию помощи голодающим» (далее – Муспомгол)⁷. Инициатором создания Муспомгола был муфтий Г. Баруди, после смерти которого 6 декабря 1921 г. особую активность в этом вопросе проявил его заместитель – Кашшафутдин Тарджеманов⁸. Он находился в Москве и до избрания Р. Фахретдинова в 1923 г. фактически исполнял обязанности муфтия⁹. Отметим, что усилия мусульманского духовенства (в частности, муфтия Г. Баруди), направленные на помощь голодающим, имели место до создания Комиссии при ЦДУМ, которая лишь придала этой деятельности формализованный и легальный характер.

Согласно Положению в Комиссию вошли уполномоченные, духовные лидеры волгоуральских мусульман, Кашшафутдин Тарджеманов – председатель, Абдулла Сулейманов¹⁰, Ва-

лимухамед Тарджиманов¹¹ – члены, Абдул-Вадуд Фатехетдинов¹², Абдулла Шамсутдинов¹³ – кандидаты в члены¹⁴. Комиссия постоянно пребывала в Москве, при этом члены ее организовывали работу мулл и мухтасибов на местах, которые в свою очередь решали вопросы сборов пожертвований и распределения продовольствия непосредственно в регионах¹⁵.

В «Объяснительной записке», которая была представлена К. Тарджимановым в ЦК Помгол 21 декабря 1921 г., содержались ответы на замечания, высказанные экспертами ВЦИК в отношении уставного документа Муспомгола. Судя по документу, власти требовали разъяснений по следующим моментам: 1) о районе деятельности Комиссии; 2) о транспортных и организационных расходах; 3) о праве реализации собранных материальных средств¹⁶.

Ответ на первый вопрос звучал следующим образом (по причине важности позволим себе привести его полностью): «Ввиду того, что Духовное Управление намеревается оказывать помощь преимущественно мусульманам, районы его деятельности в общей форме должны определяться местами расселения пострадавших от неурожая мусульман – татар, башкир и киргиз. Определить заранее с точностью, где именно и в каких пунктах придется сосредоточить эту деятельность – пока совершенно невозможно. Это будет зависеть от ряда условий: от размера средств, от категорий обслуживаемого помощью населения, от специальной назначения пожертвований и прочее...»¹⁷.

Итак, очевидно, что ЦДУМ не назвало конкретных местностей, где планировало свою работу, ограничиваясь этнической (район расселения татар, башкир, киргизов), а не географической характеристикой. Хотя оно обладало конкретным материалом, полученным с мест через подведомственное духовенство. Учитывая тот факт, что еще в дореволюционный период татары, башкиры широко расселились за пределы Волго-Уральского региона (Сибирь, Казахстан, Крым, Кавказ), могли возникнуть варианты привлечения к работе Комиссии не только поволжских тюрок.

Более того, в годы Первой мировой и Гражданской войн продолжалось формирование «тюрко-татарской» диаспоры в странах Западной Европы (Германия, Франция), Восточной Азии (Манчжурия, Китай, Япония, Корея), в Турции¹⁸. Эти обстоятельства могли существенно облегчить задачи сбора средств. С другой стороны, расплывчатость формулировки и право посылки эмиссаров в различные «мусульманские регионы» в совокупности могли послужить основой для идеологической консолидации (помощь единоверцам), концентрации материальных ресурсов и позиционированию ЦДУМ как структуры за пределами страны.

В решении вопросов самофинансирования Комиссией предполагалось тратить на собствен-

ные расходы не более 25 процентов от собираемых средств¹⁹. Транспортные издержки по переброске пожертвований, по мнению К. Тарджиманова, следовало полностью переложить «на плечи» государства (средства должны идти из бюджета ЦК Помгола)²⁰.

И, наконец, по третьему вопросу, который вызывал опасения у власти, так как мог привести к «каким-либо неправомерным операциям с собранными вещами /напр. спекуляции/», ЦДУМ отвечало так, что если «под спекуляцией разуметь в данном случае стремление как можно дороже продать пожертвованные предметы не нужные голодающим и как можно дешевле купить продукты, необходимые для них, то такая «спекуляция» должна быть только поощряема. Если же имеется в виду, что агенты Духовного Управления будут играть на этой реализации в свою пользу, то это явится уже преступлением, подлежащим репрессии со стороны органов власти»²¹.

Таким образом, при анализе документа становится очевидно, что в нем не были четко прописаны: область работы, средства на содержание Комиссии, характер коммерческой деятельности. Однако это могло быть объяснено как общей неустойчивостью и неясностью механизмов помощи, так и представлявшимися ЦДУМ возможностями разноплановой консолидации, которые Муспомгол планировал использовать.

Власть, безусловно, осознавала потенциальные риски, пытаясь поставить под полный контроль деятельность Комиссии. Однако если с данной организацией как со структурой можно было формализовать отношения, то этого нельзя сказать о двух других важнейших элементах: институте уполномоченных, среднем (мухтасибы) и низовом духовенстве (имамы) и приходах (мутаваल्ली-главы приходских советов), которые были задействованы в сборе и распределении пожертвований на местах²².

Как свидетельствуют источники, основным элементом деятельности Муспомгола стал институт уполномоченных – наиболее активных и авторитетных членов российской уммы, способных организовать людей, сборы пожертвований. В качестве послов-сборщиков за пределами Советской России были согласованы фигуры А. Ибрагимова²³ («для посылки в Сибирь, Семиречье и Китайский Туркестан»), Г. Бобинского²⁴ (отвечал за сборы в Турции) и А. Хакимова²⁵ (делегировался в Латвию, Литву, Эстонию, Финляндию и скандинавские государства).

Отметим, что обсуждение на Коллегии Наркомата по делам национальностей проходило «негладко». Власть тщательно отсеивала людей, которые могли бы навредить режиму. Так, были отклонены в качестве кандидатов-послов Муса Бигиев²⁶, Лутфулла Исаков²⁷. Первый по предложению ЦДУМ должен был выезжать в Туркестан, Бухару и Афганистан, а Исаков должен

был отвечать за скандинавско-прибалтийское направление. «Непроходной» также оказалась кандидатура Салиха Алимбекова²⁸, который также должен был «курировать» туркестано-бухаро-хивинское направление²⁹. Вместо Алимбекова в мае 1922 г. была утверждена кандидатура сборщика Хаджи Али Махмудова³⁰.

Кроме того, в заключении Наркомата содержались предложения изучить кандидатуры Садыка Иманкулова³¹, который был представлен в качестве посла в Туркестане, Бухаре и Хиве, и Тагира Ильясова³², направлявшегося в Египет. Впоследствии оба также были утверждены уполномоченными Комиссии³³.

Активные передвижения сборщиков начались весной 1922 г. В мае получили мандаты и удостоверения ЦК Помгола о возможности выезда Ильясов (Египет), Иманкулов (Туркестан, Бухара, Хива), Фаттахутдинов (Афганистан)³⁴. Деятельность по сбору средств развернул Р.Ибрагимов, переезжавший из Туркестана в манчжурские, китайские и японские города. Были выпущены воззвания для государств ислама на турецком, арабском, персидском языке об оказании помощи, а также главам религиозных организаций в разных странах.

«Существующий в Москве в ЦК Помгол – Муспомгол главную свою работу распространяет на Татарскую и Башкирскую Республики. На местах уполномоченными этого Помгола являются ахуны, мухтасибы и видные муллы, через которых таковой распространяет билеты на устраиваемые лотереи, а также производится сбор пожертвований среди населения. Председатель его (Тарджиманов – Ю.Г.) ...конкретным письмом рекомендовал организовать в Казани от имени Помгола детский татарский дом с обязательным преподаванием религии»³⁵.

По информации Тарджиманова, в июне 1922 г. был проведен сбор пожертвований среди московских мусульман: собраны книги, драгоценности и вещи «по приблизительной оценке на один миллиард рублей или 100000 денежными знаками 1922 года»³⁶. В сентябре 1922 г. в Алькеевскую и Матаковскую волости Спасского уезда Казанской губернии из Москвы поступило 50000 рублей³⁷. 7 октября такие же суммы через финансовый отдел ЦК Помгол были отправлены в Мелекесский уезд Самарской губернии³⁸. 50000 рублей были переведены в Бирский уезд Уфимской губернии³⁹.

В своем публичном отчете, опубликованном в газете «Башкирстан» 2 сентября 1922 г., К. Тарджиманов отмечал, что «все пожертвования отданы мусульманам Тамьян-Катаевского, Белебеевского, Бирского кантонов Башкирской Республики и Спасского и Тетюшского кантонов Татарской Республики. Губернские отделения комиссии распределяли помощь на местах – особую активность проявили Астраханское, Казанское и Челябинское

отделения. В западные районы России и Москву было вывезено 22800 детей татаро-башкир. В Москве собирались открыть единый детский дом для мусульман (на это собрано 4 млн. рублей)». В одном из своих писем К. Тарджиманов писал о том, что всего было собрано 500000000 рублей⁴⁰.

Таким образом, мусульмане весьма активно и эффективно развернули работу. Мы видим, что проводились сборы вещей, ценностей, которые реализовывались, и денежные средства направлялись нуждающимся. Организовывалась отправка детей из голодающих районов и многое другое.

Однако при внимательном анализе партийных документов бросается в глаза жесткая позиция неприятия деятельности Муспомгола Татаро-Башкирским бюро при ЦК РКП(б). Партийцы также отмечали как общую тенденцию – следствие работы Комиссии ЦДУМ – рост религиозного авторитета мусульманского духовенства и уфимского центра в целом, следствием которого станет рост числа мектебе, поддержка населением приходов и имамов – все то, что в партийных документах и прессе будет именоваться «религиозным движением среди татаро-башкир»⁴¹.

Татаро-башкирское бюро позволяло себе весьма резкие оценки, которые при первом рассмотрении кажутся надуманными. Так, в ряде документов читаем: о «вредности Комиссии Помгола ЦДУМ, которая добивается: 1) установления связи с контрреволюционной эмиграцией в Сибири, в Китайском Туркестане, Японии, Турции, Персии, Афганистане, Индии, Египте, Арабистане⁴², Финляндии, Франции, Германии (как следствие произошло формирование трех крупных антисоветских эмигрантских центров – в Харбине, Берлине и Турции); 2) улучшения своего финансового положения; 3) создания почвы для религиозных школ»⁴³. Подобные обвинения в «антисоветчине» не могли пройти бесследно: в 1923 г. бюро обсуждало необходимость ликвидации ЦДУМ как легальной религиозной организации мусульманского духовенства⁴⁴.

Интересным представляются вопросы о том: 1) на каких основаниях делались подобные выводы (особенно суровым является обвинение в причастности к эмигрантской «контрреволюции», использовании связей эмигрантов в антисоветских целях); 2) кому были выгодны такие идеи; 3) почему власти не воспользовались данным предложением для действительной ликвидации уфимского Духовного управления?

Прямые или косвенные ответы на эти вопросы дают материалы Восточного Отдела ОГПУ. Разведчики четко отслеживали настроения и деятельность мусульманских эмиссаров внутри страны и за рубежом. Руководствуясь государственным интересом, они оценивали поступки деятелей Муспомгола через призму «просоветское» – «антисоветское». При этом отмечали, что эмиссары, приезжавшие из заграничных мест, привозили в

Поволжье не только материальные средства, но и идеи, не совместимые с советскими реалиями.

Они фиксировали, например, что «отдельные члены Харбинского Помгола (Р. Ибрагимов и Г. Терегулов), являющиеся членами этой организации, с поездом Помгола объехали Сибирь и заезжали в Казань» и Уфу⁴⁵. Возвратившийся в августе 1922 г. из Бухары уполномоченный Комиссии муллы Иманкулов в Азимовской мечети выступал перед муллами и прихожанами в «контрреволюционно-националистическом» ключе⁴⁶.

Эти и схожие факты в подобной интерпретации попадали в поле зрения партийных лидеров: при компаративном анализе в глаза бросается сходство отдельных формулировок партийных документов и материалов Восточного отдела ОГПУ. Нетрудно догадаться, что подобные компрометирующие факты были выгодны и властям, и новой национальной элите, дабы поколебать позиции, подорвать авторитет религиозных деятелей. Однако в документах Восточного отдела 1922-1923 гг. не содержится данных о том, что дебатировался вопрос о ликвидации ЦДУМ или существенном сужении его прав. О чем это говорит?

О том, что потенциальной угрозы существованию ЦДУМ в этот период по большому счету не существовало: как ввиду реального авторитета и поддержки населением религиозных лидеров, деклараций о свободе веры, так и по причине заинтересованности Советов в связях мусульманских деятелей за рубежом. Можно предположить, что Восточный отдел занял наблюдательную позицию, аккумулируя компрометирующие (с точки зрения власти) сведения. В этом виде ЦДУМ было необходимо для лучшего контроля и управляемости «мусульманской массой». При этом разведка ставила задачу скрупулезного «отсеивания» любых каналов, которые бы могли привести к повышению статуса ЦДУМ, в том числе посредством консолидации материальных и людских ресурсов в ходе борьбы с голодом.

С точки зрения автора, Комиссия Духовного управления оказывала конкретную помощь нуждающимся людям в Татарии и Башкирии. Это невозможно отрицать и ставить под сомнение. Средства, которые использовались (внутренние и заграничные ресурсы, апелляция к эмиграции), были вполне оправданны, учитывая остроту момента. Вместе с тем очевидно, что борьба с голодом привела к укреплению на указанных территориях позиции и лидеров ЦДУМ, и духовенства разных уровней, задействованных в работе Комиссии. Равно как активизировала контакты с эмигрантскими кругами в Турции, Германии, Финляндии, Манчжурии, Китае и Японии.

ПРМЕЧАНИЯ

¹ Одно из многочисленных свидетельств содержится в отчете члена Американской администрации помощи

(АРА), Уильяма Шафрота, от 16 мая 1922 г.: «Повсюду в Мелекесском уезде (Самарской губернии – Ю.Г.) мы обнаруживали, что татарские деревни находятся в более тяжелом положении, чем русские. Они беднее, и по какой-то причине, их жители менее расчетливы и бережливы... Например, в Аллагулово с населением 1700 человек во второй половине марта умирало от 10 до 15 человек в день. Сейчас же – не более одного или двух, и эти люди слишком тяжело больны, чтобы выздороветь. Из прежнего населения в 3030 человек осталось лишь указанное выше количество, а из шестисот лошадей – семьдесят» (Цит. по: *Аншакова Ю.Ю.* «У нас не могут работать люди равнодушные»: работа Американской администрации помощи в Самарском округе в документах АРА (1921-1923 гг.) // Известия СамНЦ РАН. 2010. Т.12. №2. С.246; см. *Ее же.* Голод начала 1920-е гг. в Поволжье в документах Американской администрации помощи // Известия СамНЦ РАН. 2011. Т.13(41). №3. С.229-233; *Ее же.* «Увиденное мною в Самаре я не забуду никогда»: голод начала 1920-х годов и помощь голодающим в Самарской губ. // Известия СамНЦ РАН. 2012. Т.14. №3. С.59-71).

² *Рахимов С.* Галимджан Баруди: «Мусульмане ожидали от Советской власти особой милости...» // Эхо веков – Гасырлар авазы. 1997. №1/2.

³ *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М., 2001. 544 с.; *Макфадден Д., Горфинкел К.* Советская Россия 20-х гг. глазами друзей. Самара: «Ас-Гард», 2010. 270 с.; *Поляков В.А.* Голод в Поволжье, 1919-1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. 735 с.

⁴ Центральный государственный архив социально-политической истории Самарской области (далее – ЦГАС-ПИ). Ф.1. Оп.1. Д.778. Л. 3 об.

⁵ Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф.Р1064. Оп.4. Д.53.Л.6.

⁶ ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.193. Л.6.

⁷ ГА РФ. Ф.Р1318. Оп.17. Д.190. ЛЛ.10, 10об.; Рахимов С. Ук.соч.

⁸ Тарджеманов Кашшафутдин (1877-1943) – религиозный и общественный деятель, богослов. С 1917 г. кази ЦДУМ.

⁹ В официальных документах, представляемых Комиссией ЦДУМ во ВЦИК, К. Тарджемани подписывался как «исполняющий обязанности муфтия Мусульман внутренней России и Сибири, член мусульманского Духовного управления», а также как «заместитель муфтия».

¹⁰ Сулеймани Абдулла (Габдулла) (1886-1937) – кази ЦДУМ, улем, мударрис. До 1917 г. – первый имам Нижегородской ярмарочной мечети. В этих документах значится как «ахун Нижегородской соборной мечети» (Ислам на Нижегородчине: Энциклопедический словарь / Коллект. автор., сост. и отв.ред. Д.В.Мухетдинов. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2007. С.160-161).

¹¹ Брат К. Тарджиманова, мухтасиб Спасского кантона Татарии.

¹² Фатехетдинов (Фаттахутдинов, Фаттахетдинов) Абдуладуд (1882-1954) – в 1915-1928 гг. имам Соборной мечети г.Москвы (Ислам в Москве: Энциклопедический словарь / Коллект. автор., сост. и отв. ред. Д.З. Хайретдинов. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. С.279-280).

¹³ Шамсутдинов Абдулла (1878-1937) – имам Исторической мечети г.Москвы (Там же. С.297).

¹⁴ ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.193. Л.6.

¹⁵ Комиссия ЦДУМ имела право обращаться к единоверцам внутри и вне страны с воззваниями о помощи, организовывать сборы за границей, особенно в странах мусульманского Востока. Посылка своих представителей производилась исключительно с ведома ЦК Помгола. Все собранные средства должны были поступать в Центральную Комиссию. У Комиссии ЦДУМ был свой счет при Финотделе ВЦИК, куда перечислялись средства, полученные от сдачи ценностей (ГА РФ. Ф.Р1318. Оп.17. Д.190. ЛЛ.10, 10 об.).

¹⁶ ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.193. Л.11, 11об.

¹⁷ Там же. Л.11.

- ¹⁸ Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская эмиграция: начало XX века – 30-е годы. Исторический очерк. Наб. Челны: Камский изд.дом, 1997. 159 с.; Усманова Л. Тюрко-татарская эмиграция Дальнего Востока: «Тюркские народы не были готовы защищать себя от большевистского потока...» // Эхо веков. 2007. №2.
- ¹⁹ Организационные расходы включали в себя: «содержание служащих /кроме тех, кто будет работать бесплатно/, расходы по сбору пожертвований, по реализации их и превращению в продукты и предметы, необходимые голодающим, по переброске последних в надлежющие пункты, по распределению их в виде выдач или организации общественного питания среди голодающих и проч.»
- ²⁰ ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.193. Л.110б.
- ²¹ Там же.
- ²² Традиционное для исламского мира в целом и российской уммы в частности отсутствие жесткой иерархии и отношений беспрекословного подчинения – также накладывало определенный отпечаток на деятельность Комиссии.
- ²³ Ибрагимов Рашид (Абдурашид, Габдеррашид, Рашид-казый) (1857-1944) – богослов, общественно-политический деятель и миссионер. Религиозный деятель, привлекавший внимание общественности к проблемам мусульманских народов. Де-факто с 1921 г. находился в эмиграции в различных странах Юго-Восточной, Восточной Азии, хотя в документах Комиссии обозначал себя как «мухтасиб Тарского уезда Тобольской губ.» (Подробнее см. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Ин-т татарской энциклопедии, 1998. С.154-155).
- ²⁴ Буби (Нигматуллин-Бобинский) Губайдулла (1866-1936) – один из представителей знаменитого рода Нигматуллиных из с.Иж-Бобья, мударрис, автор учебников по различным светским дисциплинам. Обозначен как «бывший мулла дер.Ижбуби Сарапульского уезда Вятской губ.» (Татарский энциклопедический словарь. Казань: Ин-т татарской энциклопедии, 1998. С.91).
- ²⁵ Хакимов Абдулла (1877-1937) – имам третьей мечети д.Большое Рыбушкино Курмышского уезда Симбирской губ., мухтасиб. Из семьи потомственных имамов. Один из наиболее авторитетных религиозных деятелей Нижегородчины. Его брат, Валиахмет Хакимов, с 1914 г. по 1968 г. являлся руководителем одной из махалля Финляндии (Сенюткин С.Б., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История татарских селений Большое и Малое Рыбушкино Нижегородской области. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2011. С.72-73).
- ²⁶ Бигиев (Биги) Муса Джаруллах (1875-1949) – известный представитель татарской национальной элиты первой трети XX в. Активный участник всех российских мусульманских съездов. Занимался журналистской и преподавательской деятельностью. После октября 1917 г. постоянно проживал в Петрограде. В 1926 (1930 г.?) выехал из Советской России. С 1930 г. по 1949 г. жил в Афганистане, Индии, Египте, Иране, Финляндии, Германии, Японии. Скончался в 1949 г. в Каире.
- ²⁷ В документе обозначен как мухтасиб Петроградского района и мулла Петроградской соборной мечети.
- ²⁸ Мулла десятой мечети г.Астрахани.
- ²⁹ Там же. ЛЛ.17,18.
- ³⁰ Имам 5-й соборной мечети г.Уфы. У него имелась характеристика от редактора газеты «Эшче», который отзывался о нем как о «сочувствующем гражданине и лояльном Советской власти».
- ³¹ Мухтасиб г.Казани и мулла девятой соборной мечети г.Казани.
- ³² Мулла 17-й мечети г.Казани.
- ³³ ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.193. Л.31.
- ³⁴ Там же. Л.25.
- ³⁵ Центральный архив ФСБ РФ (далее – ЦА ФСБ). Ф.2. Оп.1. Д.689. Л.23.
- ³⁶ ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.193.Л.43.
- ³⁷ ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.120.Л.7.
- ³⁸ Там же. Д.160.Л.15.
- ³⁹ Там же. Оп.1. Д.160. Л.172.
- ⁴⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.61. Д.121. ЛЛ.25, 31.
- ⁴¹ Там же. Д.165.Л.25.
- ⁴² Имеются в виду территории королевства Хиджаз.
- ⁴³ Там же. Д.121. Л.13; Д.165. Л.25.
- ⁴⁴ Там же. Д.121. Л.13об.
- ⁴⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.689.Л.4.
- ⁴⁶ А именно: «восхвалял работу Туркестанских националистов и духовенства, деятельно работающего в деле возрождения мусульман, ставил в пример власть в Бухаре, где духовенство и буржуазия имеют в руках прежнюю власть, говорил об Энвер-паше и о движении, которое начато им, высказывал убеждение, что все мусульмане пойдут за ним, если узнают о нем правду как об «освободителе от неверных». Отметил, что в Бухаре народные суды упразднены и функции их переданы шариату, что вызвало у присутствующих шумное одобрение... Собрание постановило начать сбор средств среди духовенства в пользу мусульманского духовного собрания и нужд организации религиозных школ» (Там же. Л.4 об.).

**«ISLAMIC POLITICS» OF THE SOVIET STATE
AND THE FAMINE OF THE EARLY 1920'S IN THE VOLGA REGION:
UNKNOWN PAGES OF THE FIGHT HUNGER ACTIVITIES
OF THE CENTRAL SPIRITUAL DIRECTORATE OF MUSLIMS**

© 2013 Ju.N. Guseva

Moscow City Pedagogical University (Samara Branch)

The paper analyzes the circumstances, the results and the evaluation of the activities of the Commission to fight hunger of the Central Spiritual Directorate of Muslims in the 1922-1923 from the point of view of different party-government organizations. The analysis is based on both known and previously secret archival sources; the author drives the conclusion about the impact of the Commission's work on the party-state policy towards the Islamic religion in Soviet Russia.

Keywords: Islam, the Volga region, the famine of the 1920s, Central Spiritual Directorate of Muslims.